
Дмитрий Иванов
Эхо пустого горизонта

Дмитрий Иванов
Эхо пустого горизонта

https://litres.ru/74887019
SelfPub; 2026

Аннотация

Краснодар задыхается от летнего зноя и суеты. Успешный девелопер празднует очередную сомнительную победу, офисный клерк мечтает о стабильности, а бродяга ищет пропитание в тени элитных кварталов. Их жизни не пересекаются, их миры разделены социальными пропастями, но их объединяет одна общая реальность, которая рушится в одно мгновение.

Когда привычный мир — с его бетоном, стеклом и цифровым шумом — испаряется, оставляя лишь наготу ландшафта, герои оказываются один на один с первобытным хаосом. В мире, где вчерашние достижения кажутся мифами, а выживание становится единственной валютой, им предстоит понять, что именно из их прошлого достойно того, чтобы быть сохраненным, и какую цену придется заплатить за право быть услышанными в вечности.

Дмитрий Иванов
Эхо пустого горизонта

Эхо пустого горизонта

Краснодар задыхается от летнего зноя и суеты. Успешный девелопер празднует очередную сомнительную победу, офисный клерк мечтает о стабильности, а бродяга ищет пропитание в тени элитных кварталов. Их жизни не пересекаются, их миры разделены социальными пропастями, но их объединяет одна общая реальность, которая рушится в одно мгновение.

Когда привычный мир — с его бетоном, стеклом и цифровым шумом — испаряется, оставляя лишь наготу ландшафта, герои оказываются один на один с первобытным хаосом. В мире, где вчерашние достижения кажутся мифами, а выживание становится единственной валютой, им предстоит понять, что именно из их прошлого достойно того, чтобы быть сохраненным, и какую цену придется заплатить за право быть услышанными в вечности.

Содержание

01 Золотой час
02 Цикличный ритм
03 Тень под мостом
04 Великое Ничто
05 Первая встреча

06 Инстинкты
07 Голод и правда
08 Осколки прошлого
09 Путь через пустошь
10 Разрыв
11 Призраки цивилизации
12 Слияние
13 Старик у воды
14 Безумие пророка
15 Последний закат
16 Голос в глине

Глава 1

Золотой час

Лед в стакане с виски хрустнул, разбиваясь о тяжелое дно. Артем смотрел, как прозрачная капля стекает по грани хрусталя, оставляя влажный след на полированной поверхности стола. В этом движении было что-то гипнотическое, почти сакральное. За окном панорамного ресторана Краснодар плавился в предзакатном мареве. Город расстилался под ними, как разлившееся по столу масло: золотистый, тяжелый, податливый.

— Ты понимаешь, что это не просто тендер, Артем? — Голос Вадима, его партнера, прозвучал глухо, словно из-под воды. — Это вход в высшую лигу. После этого «АгроСтрой» не будет просить разрешения у администрации. Они будут ждать, когда мы придем.

Артем не ответил. Он медленно поднял взгляд на Вадима. Тот сидел напротив, расслабленный, с расстегнутой верхней пуговицей шелковой рубашки, и его глаза блестели от предвкушения. Артем чувствовал этот блеск. Это был запах больших денег, запах того самого момента, когда правила игры перестают быть законом и превращаются в рекомендации.

— Я не собираюсь просить, Вадим, — тихо сказал Артем. Его голос был сухим, как шелест купюр. — Я собираюсь владеть.

Он сделал глоток. Виски обжег горло, оставляя долгое, древесное послевкусие. В ресторане было душно, несмотря на работающие на полную мощность кондиционеры. Воздух казался густым от дорогих парфюмов, запаха жареного мяса и невысказанных амбиций. Смех за соседним столом — чей-то громкий, напыщенный хохот влиятельных людей — долетел до него как шум прибоя.

Артем знал, что этот вечер — вершина. Все те месяцы, когда он по ночам изучал схемы подкупа, выстраивал цепочки связей, переписывал отчеты и искал те самые «слабые места» в документации конкурентов, вели к этому моменту. Он не считал себя плохим человеком. Он считал себя эффективным. Мир был шахматной доской, а люди на ней — либо фигурами, либо игроками. Он выбрал первую категорию, чтобы стать вторым.

— Давай еще по одной, — Вадим поднял свой бокал. — За «Золотой горизонт». За проект, который перекроит карту

города.

Они чокнулись. Звук был чистым и коротким, как выстрел.

— Кстати, — Вадим наклонился ближе, понизив голос, — те ребята из комитета… Они были в восторге от твоей «корректировки» экологических экспертиз. Сказали, что ты чертов гений, умеющий превращать цифры в поэзию.

Артем едва заметно усмехнулся. Поэзия — это то, чем он занимался. Он превращал грязь и строительный мусор в юридически безупречные отчеты о «зеленых зонах» и «экологической безопасности».

— Цифры не лгут, Вадим. Они просто умеют молчать, когда им нужно.

Официант, возникший словно из ниоткуда, бесшумно подлил напиток. Артем заметил на его руках мелкие шрамы и едва уловимый запах дешевого табака — контраст с этой стерильной роскошью был почти болезненным. На мгновение Артему захотелось схватить этого парня за руку и спросить: «Ты понимаешь, что ты здесь просто декорация? Что ты — шум на фоне моей симфонии?» Но он подавил это чувство. Декорации не должны задавать вопросы.

Вечер перетекал в ночь. К столу присоединились еще двое — юристы, чьи лица напоминали маски из воска, и один из чиновников среднего звена, который пришел, чтобы просто «побыть в курсе». Смех становился громче, разговоры — бессвязнее. Обсуждали яхты, новые кварталы в районе За-

падного обхода, стоимость земли, которая взлетит до небес после их застройки.

Артем чувствовал себя центром гравитации. Все взгляды, все нити разговоров неизбежно сводились к нему. Он наслаждался этим ощущением всевластия. Это было похоже на наркотик: когда ты осознаешь, что одним телефонным звонком можешь обрушить чью-то карьеру или поднять очередную стройку из пепла.

— Знаешь, Артем, — сказал один из юристов, вытирая губы салфеткой, — я иногда думаю, что мир — это просто огромная куча ресурсов, которые ждут, когда кто-то достаточно смелый придет и заберет их себе.

— И ты считаешь, что ты — этот человек? — Артем приподнял бровь.

— Нет, — юрист рассмеялся, — я просто рад работать на того, кто им является.

Артем откинулся на спинку кожаного кресла. Ему казалось, что он может коснуться самого неба. Город внизу мерцал миллионами огней, похожий на микросхему, по которой бежали электрические импульсы. Он чувствовал себя архитектором этого сияния.

— Послушайте, — Вадим хлопнул ладонью по столу, — хватит о работе! Сегодня мы празднуем. Сегодня мы победили!

Они заказали еще шампанского. Пузырьки в бокалах поднимались вверх, словно маленькие, ослепшие существа,

стремящиеся к свету. Артем смотрел на них и думал о том, что завтра он проснется и мир станет еще чуть более его собственностью. Он купит еще один дом, еще один участок, еще одну жизнь.

Когда они вышли из ресторана, Краснодар встретил их тяжелым, липким зноем. Воздух пах разогретым асфальтом и пылью. Артем сел на заднее сиденье своего черного седана, пахнущего дорогой кожей и успехом. Вадим что-то весело рассказывал, размахивая руками, но Артем уже не слушал.

Он смотрел в окно на пролетающие мимо витрины, неоновые вывески, силуэты деревьев. Все это казалось незыблемым. Бетонные джунгли, созданные человеком, чтобы доминировать над природой. Стальные каркасы небоскребов, пронзающие облака. Цифровые сети, связывающие миллиарды людей в единый, послушный организм.

«Всё под контролем», — подумал он, закрывая глаза.

В салоне автомобиля было прохладно. Кондиционер работал ровно, создавая иллюзию безопасности и вечного покоя. Артем чувствовал, как усталость — приятная, триумфальная усталость — накрывает его. Он представлял, как завтра начнется новая битва, новые сделки, новые победы.

Машина плавно скользила по улицам. Свет фонарей ритмично мелькал перед глазами, создавая эффект киноленты. Артем почти провалился в сон, когда почувствовал странное ощущение.

Это не был страх. Это было нечто иное. Резкое, внезапное

чувство потери опоры. Словно земля под колесами машины на мгновение стала жидкой.

Он открыл глаза.

В салоне было темно. Кондиционер перестал гудеть. Тишина, наступившая в машине, была не просто отсутствием звука — она была физически ощутимой, тяжелой, вакуумной. Артем попытался включить свет в салоне, но кнопка не поддалась. Он потянулся к телефону, лежащему на сиденье рядом, — экран был мертв.

— Вадим? — позвал он.

Голос прозвучал странно — глухо, словно он говорил внутри ваты. Вадима не было. Артем приподнялся, оглядываясь. Машина стояла. Но где?

Он приоткрыл окно, надеясь на глоток воздуха, но вместо привычного городского шума и запаха асфальта в салон ворвался запах... ничего. Это был запах абсолютной пустоты, сухой, безжизненной пыли, которой не было в городе.

Артем рванул дверь. Она поддалась с трудом, словно заржавела, хотя он точно помнил, что машина была новой.

Он вышел наружу, спотыкаясь о порог, и замер.

Города не было.

Не было ни неоновых огней, ни панорамных окон ресторана, ни дороги, по которой ехал автомобиль. Не было даже асфальта. Под его ногами была сухая, потрескавшаяся земля, покрытая редкими пучками жесткой, серой травы.

Вокруг него расстилалась бесконечная, ровная степь. В

лунном свете — или это был свет далекой, тусклой звезды? — она казалась серебристо-серой бездной. Никаких зданий. Никаких столбов электропередач. Никаких звуков машин или далекого гула мегаполиса. Только тишина, такая глубокая, что Артем слышал стук собственного сердца, бьющегося о ребра, как пойманная птица.

Он оглянулся на машину. Черный седан стоял посреди пустоты, выглядя здесь как нелепый, выброшенный на берег кит. Но когда он посмотрел на свои руки, он вскрикнул.

На нем не было костюма. Не было рубашки. Не было даже часов, которые он так любил. Он стоял на коленях на голой, пыльной земле, совершенно нагой, чувствуя кожей холодный, безжалостный ветер, пришедший из ниоткуда.

Артем огляделся в панике, ища хоть какой-то след цивилизации, хоть какую-то деталь своего вчерашнего триумфа, но горизонта не было. Был только пустой, безразличный край мира, где заканчивалось всё, что он когда-либо знал, и начиналось нечто, чему не было названия.

Глава 2

Цикличный ритм

Свет люминесцентных ламп в офисе на двенадцатом этаже имел специфический оттенок — болезненно-желтый, вымывающий из лиц все живое, превращающий кожу сотрудников в пергамент. Игорь чувствовал этот свет кожей. Казалось, фотоны медленно впитываются в поры, оставляя после себя липкое ощущение усталости.

На мониторе мигала курсорная черта. Ритмичная, безжалостная, как метроном.

Click. Click. Click.

Игорь нажал на клавишу, вбивая цифру в ячейку таблицы. В строке «Прогноз доходности по сектору В-4» стояло число, которое не имело никакого отношения к реальности, но именно его требовал от него отдел планирования. Он знал, что эти цифры — просто тени, призраки, которыми они кормили инвесторов, чтобы те не заметили, как фундамент здания, которое они строят, начинает крошиться. Но спорить с системой было так же бессмысленно, как пытаться перекричать шум кондиционера.

— Игорь, ты отчет по логистике закончил? — Голос Марины, старшего аналитика, прорезал гул офисного пространства.

Она стояла над ним, опираясь ладонями о перегородку его стола. От нее пахло дешевым кофе и чем-то сладким, приторным, похожим на ванильный освежитель воздуха. В ее глазах, подведенных серыми тенями, читалось то же самое изнурение, которое Игорь ощущал в собственных суставах.

— Почти, Марина. Осталось свести дебет с кредитом по последнему кварталу, — ответил он, не поднимая глаз.

— Своди быстрее. Шеф сегодня не в духе. Слышал, у Артема сделка закрылась. Празднуют там, наверное, в «Панорама». Весь город об этом гудит.

Игорь едва заметно дернул уголком губ. Артем. Имя, ко-

торое в этих стенах произносилось либо с благоговением, либо с затаенной злобой. Человек-ураган, человек-сделка. Игорь видел его мельком на совещаниях: безупречные костюмы, манера говорить так, будто каждое его слово — это закон, подкрепленный стальной волей. Артем не просто строил дома, он продавал ощущение превосходства.

— Удачи им, — тихо сказал Игорь и снова уткнулся в монитор.

Кондиционер над его головой издавал натужный, дребезжащий звук. Он работал на полную мощность, но воздух в помещении все равно казался застоявшимся, тяжелым, пропитанным запахом пыли и озона. Игорь поправил очки. Дужки впивались в переносицу, оставляя красный след.

Один час. Еще один час.

Цифры начали плыть. В какой-то момент строчка в Excel показалась ему бесконечной змеей, извивающейся по экрану. Он зажмурился, пытаясь прогнать нахлынувшую тошноту. В висках стучало. Это была не просто усталость — это была экзистенциальная тяжесть, накопленная за годы заполнения бессмысленных отчетов, за годы жизни в ритме, который не оставлял места для вдоха.

Обед прошел в одиночестве. Игорь сидел на кухне для сотрудников, глядя в окно на Краснодар, задыхающийся в июльском зное. Город внизу напоминал раскаленный котел. Машины, крошечные и блестящие, ползли по дорогам, словно жуки в густом сиропе. Воздух над асфальтом дрожал, со-

здавая иллюзию зыбкости всего сущего. Ему на мгновение показалось, что город — это всего лишь декорация, картонный макет, который может рухнуть от одного неосторожного движения.

Он вернулся к столу.

— Игорь, ты чего завис? — К нему подошел Костя, системный администратор. У Кости всегда был вид человека, который знает о мире больше, чем положено, но предпочитает молчать. — Ты бледный какой-то. Опять на диетах своих сидишь?

— Просто не выспался, — соврал Игорь.

— Понимаю. В этом городе невозможно выспаться. Даже когда спишь, кажется, что ты должен что-то делать. Быть в курсе. Отвечать на письма.

Костя пожал плечами и ушел, оставив после себя едва уловимый запах табака.

К пяти часам вечера Игорь чувствовал себя выжатым лимоном. Каждое движение требовало волевого усилия. Нажать на кнопку мыши, перелистнуть страницу, поднять трубку телефона — всё это казалось непосильной задачей. Он смотрел на часы. 17:15. 17:20. Время тянулось, как густая смола.

Он думал о своем кредите. О той сумме, которая каждый месяц безжалостно списывалась с его счета, заставляя его каждое утро вставать и садиться в этот душный офис. О маленькой квартире на окраине, где стены пахнут старым ре-

монтом, а из окна виден только соседский забор и кусок серого неба. О безопасности, которую он пытался купить, заполняя эти чертовы таблицы. Если он будет работать достаточно усердно, если он будет следовать правилам, мир будет к нему добр. Это была ложь, которую он повторял себе годами, но сегодня она звучала особенно жалко.

Когда он наконец собрал вещи и вышел из здания, солнце уже начало клониться к закату, заливая улицы агрессивным, кроваво-оранжевым светом. Город гудел. Звуки сирен, крики зазывал, рев моторов — всё это сливалось в единый, неразличимый шум, который давил на барабанные перепонки.

Игорь шел к остановке, стараясь не смотреть на роскошные автомобили, проносящиеся мимо. Он чувствовал себя прозрачным. Как будто он — лишь тень в этом ярком, шумном мире, случайный прохожий в чужой пьесе.

Дорога домой заняла больше обычного. Автобус был переполнен. Люди стояли плечом к плечу, прижатые друг к другу в тесном, душном пространстве. От них пахло потом, дешевыми духами и усталостью. Игорь прижался лбом к прохладному стеклу, глядя, как мимо пролетают огни вечернего города. Огни казались ему искрами, гаснущими в огромной пустоте.

Наконец, он оказался в своей квартире.

Тишина встретила его оглушительно. Он не стал включать свет, просто бросил ключи на тумбочку в прихожей и про-

шел на кухню. В квартире было душно, несмотря на закрытые окна.

Он включил кондиционер. Тот загудел, выплевывая струю холодного, сухого воздуха. Игорь сел на диван, не раздеваясь, и уставился в стену. В голове было пусто. Ни мыслей, ни образов — только монотонное жужжание прибора.

Ж-ж-ж-ж...

Этот звук стал его единственным спутником. Он заполнял пространство, создавая иллюзию того, что в этой комнате есть жизнь, есть движение, есть хоть какой-то порядок.

Он почувствовал, как веки становятся тяжелыми. Сон подступал не как отдых, а как обморок, как спасение от реальности, которая стала слишком плотной, слишком требовательной. Он закрыл глаза, позволяя звуку кондиционера утянуть себя в бездну.

В полусне ему казалось, что он всё еще сидит за своим рабочим столом. Цифры в таблицах продолжали бежать перед глазами, бесконечные ряды нулей и единиц, выстраивающиеся в идеальные, бездушные колонны. Он пытался поймать их, удержать, но они рассыпались, превращаясь в мелкий песок.

А потом пришел холод.

Не тот приятный холод от кондиционера, к которому он привык, а резкий, пронизывающий, первобытный холод, от которого сводит зубы.

Игорю приснилось, что кондиционер перестал гудеть. На-

ступила тишина. Но это не была тишина его квартиры. Это была тишина пустоты, огромной, бездонной, лишенной малейшего намека на жизнь.

Он попытался пошевелиться, но его тело казалось налитым свинцом. Он почувствовал, как под ним что-то изменилось. Вместо мягкой обивки дивана он ощутил нечто твердое, неровное и ледяное.

В глубине сознания мелькнула тревожная мысль: *«Я не дома»*.

Он хотел открыть глаза, но веки словно склеились. В темноте его сознания продолжал пульсировать один-единственный звук, но это был уже не гул техники. Это был ритмичный, тяжелый стук, доносящийся откуда-то издалека.

Тук... Тук... Тук...

Словно кто-то огромный и невидимый бил в барабан где-то на краю мироздания. Или это было его собственное сердце, которое внезапно решило напомнить о своем существовании в мире, где больше не было ничего, кроме этого звука.

Игорь рванулся, пытаясь проснуться, преодолеть этот вязкий, липкий сон, но реальность ускользала от него, как вода сквозь пальцы. Он проваливался всё глубже, в темноту, которая не была просто отсутствием света. Это была пустота, которая имела вес.

Он не знал, что в этот самый момент, в нескольких километрах от него, под мостом, в тени бетонных опор, Семен ловил холодный ветер, а Артем, залитый дорогим вином, сме-

ялся в лицо судьбе.

Мир еще стоял на своих местах. Огни городов всё еще горели, кредиты всё еще требовали уплаты, а цивилизация, со всей её сложностью и ложной гордостью, всё еще считала себя незыблемой.

Но за порогом этого сна уже висело Ничто, готовое, как хищник, прыгнуть на добычу, как только последний человек закроет глаза.

Игорь почувствовал, как холод проникает под кожу, и в этот момент звук кондиционера оборвался на самой высокой, дребезжащей ноте, оставив после себя звенящую, мертвую пустоту.

Глава 3

Тень под мостом

Запах гниющей дыни и перегретого асфальта всегда был для Семена запахом жизни. В Краснодаре этот запах застывал в воздухе плотной, липкой субстанцией, которую можно было буквально прожевать.

Он сидел на корточках за углом супермаркета, там, где бетонная стена переходила в узкий, заваленный мусором проход. Тень от козырька была узкой, как лезвие ножа, но Семену этого хватало, чтобы оставаться невидимым. Его взгляд, мутный от постоянного недосыпа, но всё еще цепкий, сканировал мир через щель между переполненными баками.

Мир был слишком громким. Мир был слишком быстрым.

Мимо, по тротуару, проносились люди. Они казались Се-

мену кадрами из очень быстро смонтированного, нелепого фильма. Мужчины в выглаженных рубашках, прижимающие к ушам стеклянные прямоугольники смартфонов; женщины с лицами, застывшими в вечном ожидании чего-то важного; курьеры на электровелосипедах, пролетающие мимо с таким свистом, будто они — единственные, у кого есть цель.

Семен перевел взгляд на свои руки. Кожа на костяшках была грубой, потрескавшейся, въевшейся в нее многолетнюю пыль и машинное масло. Когда-то эти пальцы могли чертить сложные схемы, зажимать тончайшие детали в тиски, настраивать приборы с точностью до микрона. Теперь они умели только одно: аккуратно, не издавая лишнего звука, выуживать из полиэтиленового мешка то, что еще можно было считать едой.

Сегодня удача была скудной. Из бака, который выставили на задний двор около часа назад, он извлек наполовину смятый пакет с булочкой. Корочка была сухой, почти каменной, но внутри еще сохранялась какая-то мягкая, заплесневелая плоть. Семен не стал есть сразу. Он отломил крошечный кусок, долго жевал его, стараясь не чувствовать привкуса химии и дешевого сахара.

— Эй, ты! Опять тут ошиваешься? — Голос был резким, как удар хлыста.

Семен не вздрогнул. Он лишь медленно поднял голову. Перед ним стоял охранник — молодой парень в синей форме, которая была ему явно велика в плечах. В руках он дер-

жал тяжелую алюминиевую дубинку, лениво постукивая ею по ладони.

— Уходи отсюда, — повторил охранник, прищурившись от палящего солнца. — Сейчас проверка будет, камеры наводят. Не хватало еще, чтобы ты тут вонял.

Семен ничего не ответил. Он знал этот тон. Это был тон человека, который обладает легальным правом на насилие, но при этом презирает объект своего воздействия. Для охранника Семен не был человеком. Он был дефектом ландшафта, пятном на чистом фасаде торгового центра.

— Я ухожу, — тихо сказал Семен. Его голос, хриплый от долгого молчания, прозвучал почти как шелест сухой травы.

Он поднялся, чувствуя, как в коленях привычно хрустнуло. Сложил обрывки пакета в карман старой, засаленной куртки и, не оборачиваясь, двинулся прочь, в сторону развязки.

Краснодарский полдень давил на плечи. Воздух вибрировал от жары, превращая горизонт в дрожащее марево. Семен шел вдоль дороги, стараясь держаться в тени припаркованных машин. Автомобили — эти блестящие, хищные звери цивилизации — обдавали его волнами невыносимого жара из радиаторов и вонью выхлопных газов. Он смотрел на них с каким-то странным, болезненным любопытством. Они казались ему сложными, избыточными механизмами, которые требуют слишком много сил для своего поддержания.

Слишком много энергии. Слишком много шума, — ду-

мал он, перешагивая через лужу застоявшейся, маслянистой воды.

Он вспомнил, как раньше всё было иначе. В его другой жизни, которой теперь не существовало, всё имело логику. Если деталь изнашивалась, её меняли. Если система давала сбой, её калибровали. Сейчас же мир вокруг него казался системой, которая давно вышла из строя, но продолжала работать по инерции, просто потому что никто не заметил поломки.

Ближе к вечеру жара сменилась тягучим, душным маревом. Солнце опустилось за горизонт, окрасив небо в цвет гноящейся раны — грязно-розовый, тяжелый, предвещающий грозу, которая так и не случилась.

Семен направился к мосту. Это было его привычное место. Под массивными бетонными опорами моста всегда было прохладнее, а шум проезжающих машин создавал своеобразный белый шум, который помогал заглушить мысли. Там, внизу, среди камней и строительного мусора, можно было найти временное пристанище.

Но сегодня что-то было не так.

Воздух стал странно плотным. Он не просто давил, он словно вибрировал на какой-то частоте, от которой заныли зубы. Семен остановился, прислушиваясь.

Обычно здесь всегда что-то происходило: гул шин, крики подростков, лай собак, далекий ритмичный стук музыки из проезжающих авто. Но сейчас...

Наступила тишина. Не та мирная тишина, что бывает в лесу на рассвете, а тяжелая, вакуумная пустота. Словно кто-то нажал на кнопку «Mute» на пульте управления мирозданием.

Семен нахмурился. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок, совершенно не соответствующий вечерней духоте.

— Что за чертовщина... — пробормотал он под нос.

Он посмотрел вверх, на пролеты моста. Машины всё еще ехали. Он видел их силуэты, видел свет фар, разрезающий сумерки. Но звука не было. Вообще. Никакого скрежета шин о бетон, никакого рокота двигателей. Только визуальное движение, лишенное аудиоряда.

Он сделал шаг вперед, и звук его собственного шага — шлепок подошвы о разбитый асфальт — прозвучал неестественно громко, как пушечный выстрел в пустой комнате. Семен замер. Сердце забилось о ребра, как пойманная птица.

Ему показалось, что само пространство вокруг начало истончаться. Он посмотрел на свои руки и на мгновение ему почудилось, что тени от бетонных опор стали слишком черными, слишком глубокими, словно они не отбрасывались светом, а были дырами в реальности.

В животе заурчало, напоминая о голоде, но страх был сильнее. Это был не тот страх, который испытываешь перед грабителем в подворотне. Это был экзистенциальный ужас

— чувство, что почва под ногами перестала быть твердой, что законы физики, на которых строилась его жизнь, решили взять выходной.

Семен поспешил к своему укрытию. Ему нужно было найти место, где можно было бы спрятаться, забиться в щель, исчезнуть. Он пробирался через заросли сухого ивняка, цепляясь за колючие ветки, которые царапали лицо.

Он нашел свою привычную «нору» — небольшой выступ под бетонной плитой, заваленный старым шифером и кусками арматуры. Это было неудобно, сыро и пахло плесенью, но это было его. Его маленькое, ничтожное пространство в этом огромном, шумном мире.

Он опустился на землю, прислонившись спиной к холодному бетону. Дыхание было прерывистым.

— Просто переутомление, — сказал он сам себе. — Просто глюки. Старость или голод.

Он попытался закрыть глаза, надеясь, что когда он их откроет, мир вернется в привычное состояние: с его вонью, его шумом, его бессмысленным, но понятным движением.

Но тишина не уходила. Она становилась всё плотнее, заполняя пространство между его мыслями, вытесняя саму возможность думать. Она росла, разрасталась, превращаясь в нечто осязаемое.

Семен почувствовал, как по затылку пробежала дрожь. В этой звенящей пустоте ему вдруг почудилось, что мир вокруг него не просто замолчал.

Он словно начал исчезать.

Словно сама материя реальности, из которой состояли здания, дороги, люди и даже он сам, начала терять свою связность, распадаясь на невидимые атомы, готовые в любой момент раствориться в великом Ничто.

Он зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли красные пятна. Он вцепился пальцами в кусок ржавой арматуры, пытаясь почувствовать хоть какую-то опору, хоть какое-то доказательство того, что он всё еще существует.

И в этот момент, в самой глубине этой мертвой тишины, он услышал это.

Тук... Тук... Тук...

Это не было сердцебиением. Это не было стуком дождя. Это был звук чего-то колоссального, что методично, с пугающей невозмутимостью, разрушало невидимую стену, отделявшую его от бездны.

Семен открыл глаза, и первым, что он увидел, был не бетон и не грязь.

Он увидел, как свет далекого города начал гаснуть, не потому, что наступила ночь, а потому, что его больше не на чем было удерживать.

Мир за пределами его узкой щели начал стремительно, бесшумно таять, словно сахар в горячей воде.

Глава 4

Великое Ничто

Артем проснулся не от звука будильника, а от того, что

его лицо жгло нестерпимое, сухое тепло. Это не было похоже на привычный кондиционированный воздух его спальни, который всегда создавал вокруг него кокон прохлады и стерильности. Это было дыхание самой земли — горячее, пахнущее пылью и сухой полынью.

Он резко открыл глаза и тут же зажмурился от ослепительного, безжалостного света. Не было потолка с лепниной, не было мягкого полумрака штор из итальянского льна. Над ним было только бесконечное, выцветшее до белизны небо, по которому лениво плыло нечто, напоминающее облако, но лишенное какой-либо формы.

Артем попытался сесть, и его охватил первобытный ужас. Под ладонями была не шелковая простынь, а жесткая, потрескавшаяся земля. Он дернулся, пытаясь нащупать одеяло, но его пальцы коснулись лишь собственной голой, обветренной кожи.

— Что за… — голос сорвался, превратившись в сиплый хрип.

Он посмотрел на себя. На нем не было ничего. Ни брендовой футболки, ни дорогих часов, ни даже нижнего белья. Он был абсолютно наг, и эта нагота ощущалась не как свобода, а как предельная уязвимость, как если бы с него содрали кожу вместе с социальным статусом, с именем, с самой сутью его «я».

Артем поднялся на четвереньки, тяжело дыша. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Он огляделся.

Там, где еще вчера возвышался его особняк — три этажа из стекла, бетона и панорамных окон, стоивший целое состояние, — не было ничего. Ни фундамента, ни обломков, ни даже следов строительной техники. Только ровное, бескрайнее плато из пыли и мелких камней, уходящее за горизонт. Его сад с автоматическим поливом, его бассейн с подогревом, его гараж с немецким автопромом — всё исчезло. Будто кто-то прошелся по миру огромным ластиком, стерев всё, что строилось десятилетиями.

Он закричал. Это был не крик ярости, не крик протеста, а животный вопль существа, которое внезапно осознало, что оно одно во вселенной. Но крик утонул в густой, вакуумной тишине. Не было ни гула машин с Красной улицы, ни далекого шума аэропорта Пашковской, ни даже стрекота цикад. Только сухой ветер, гоняющий пыль по пустоши.

***

Игорь проснулся от того, что его щеку грыз муравей.

Он вздрогнул и сел, инстинктивно пытаясь нащупать телефон на прикроватной тумбочке. Рука провалилась в пустоту. Его не было. Тумбочки не было. Квартиры не было.

Он сидел на коленях посреди открытого пространства. Вокруг него не было ни стен, ни мебели, ни привычного уюта его однушки в спальном районе. Только выжженная трава и странные, хаотичные валуны, разбросанные по равнине, словно гигантские кости древних существ.

— Это сон, — прошептал он, зажмурившись так сильно,

что в глазах поплыли круги. — Это просто очень реалистичный кошмар. Стресс. Переутомление. Аналитика, графики, дедлайны… Мозг просто сошел с ума.

Он начал считать. Это было его привычкой — когда реальность становилась нестабильной, он прибегал к цифрам. — Один. Два. Три. Четыре…

Он открыл глаза. Мир не изменился. Он всё так же был пуст. Игорь посмотрел на свои руки. Они были грязными, с забитыми под ногти кусками земли. Он был наг. Эта мысль ударила его сильнее, чем осознание потери имущества. В его мире, где всё имело цену, где одежда была маркером благополучия, а квартира — крепостью, нагота была эквивалентом смерти.

Он попытался встать, но ноги подкосились. Голова кружилась. Он вспомнил вчерашний вечер: душный офис, бесконечные ячейки Excel, серые лица коллег, тусклый свет люминесцентных ламп. Он помнил, как закрыл ноутбук и пошел домой, мечтая лишь о том, чтобы лечь в кровать и забыть об этом дне.

Теперь у него не было даже этого «завтра». Не было даже «вчера». Было только это ослепительное, бессмысленное «сейчас».

Игорь начал оглядываться, надеясь увидеть хотя бы край дороги, обрывок асфальта, кусок забора. Но горизонт был чист. Это была не просто пустошь. Это была пустота, обретшая плоть.

***

Семен открыл глаза и не шелохнулся.

Его опыт жизни на дне научил его одной важной вещи: если ты чувствуешь, что мир изменился, не делай резких движений. Сначала нужно понять, насколько глубока яма, в которую ты провалился.

Он лежал на сухой, жесткой траве. Но это была не та трава, что росла в заброшенных промзонах на окраине Краснодара. Она была другой — колючей, пахнущей горьким соком, первобытной.

Семен медленно сел. Он тоже был наг. Но, в отличие от Артема и Игоря, он не почувствовал паники. Его паника была выжжена годами голода и холода. Его тело, привыкшее к лишениям, лишь констатировало факт: условия стали хуже.

Он огляделся. Там, где раньше была свалка, где он находил ценные обломки пластика и ржавое железо, теперь была лишь равнина. Никаких гор мусора. Никаких бетонных плит. Никаких запахов гари и гниющей органики. Только запах сухой земли и бесконечное, давящее небо.

Он потянулся к месту, где обычно лежал его самодельный спальник из обрывков брезента, но пальцы нащупали лишь песок.

— Ну вот и всё, — негромко сказал он сам себе. Голос прозвучал непривычно громко в этой звенящей тишине. — Наконец-то докатились.

Он не знал, что произошло. Он не искал причин. Инженер

внутри него, давно похороненный под слоями алкогольного тумана и отчаяния, попытался проанализировать ситуацию, но и он замолчал. Законы физики, которые он знал, не объясняли, как можно стереть целую цивилизацию, не оставив даже пыли от разрушенных зданий.

Семен поднялся. Его старые суставы ныли, кожа на солнце моментально начала зудеть. Он знал: если не найти воду и не найти хоть какое-то подобие укрытия, он не доживет до заката.

Он пошел вперед, не зная куда, просто следуя интуиции, которая всегда вела его — когда он был человеком, и когда стал тенью.

***

Артем бежал. Он не знал, от чего бежит, потому что бежать было не от чего. За ним не гнались звери, не наступала буря. Он бежал от самого факта этой пустоты.

Его ноги, непривыкшие к бегу по пересеченной местности, быстро наполнились свинцовой тяжестью. Песок забивался между пальцами, колючки впивались в икры. Он спотыкался о камни, падал, сдирал колени в кровь, но не останавливался. Ему казалось, что если он будет бежать достаточно быстро, он вырвется из этого пространства, вернется в свой мир, где есть правила, где есть деньги, где есть предсказуемость.

— Верните всё назад! — орал он, захлебываясь пылью. — Вы не имеете права! Это моё! Всё это — моё!

Он остановился, тяжело дыша, и уперся руками в колени. Перед глазами плясали черные мушки. Он посмотрел на свои руки — они были в пыли и мелких ссадинах. Он больше не был владельцем строительной империи. Он был просто куском мяса, брошенным в безбрежную степь.

И тут он увидел движение.

На горизонте, там, где марево зноя дрожало над землей, мелькнула фигура. Артем замер. Это не было галлюцинацией. Это было живое, осязаемое движение.

Он прибавил ходу, забыв о боли в ногах. Фигура приближалась. Это был мужчина, он шел медленно, почти шатаясь.

Артем подбежал к нему почти вплотную. Его охватил лихорадочный восторг — он не один. Он не один в этом аду.

— Эй! — закричал Артем, хватая незнакомца за плечо. — Эй, ты! Ты видел? Ты видел, что произошло? Где всё? Где город? Где люди?

Мужчина поднял на него взгляд. У него были пустые, лишенные надежды глаза. Он смотрел на Артема так, словно тот был привидением.

— Город? — переспросил мужчина. Его голос был сухим, как шелест травы. — Какого города, парень? Здесь нет городов.

— Как нет? — Артем почти сорвался на визг. — Краснодар! Здесь должен быть Краснодар! Здесь была улица Северная, здесь мой дом!

Мужчина медленно покачал головой и отстранился.

— Здесь всегда была только степь.

Артем замер, не в силах подобрать слова. Он огляделся вокруг, пытаясь найти хоть одно подтверждение своим словам. Но земля была безмолвна.

В этот момент из-за небольшого холма, пошатываясь, вышел третий. Он был моложе того, кто стоял перед Артемом, и выглядел еще более потерянным. Его лицо было бледным, а движения — скованными, механическими.

— Вы тоже это видите? — спросил он, глядя на них двоих. — Это же... это не может быть правдой. Я только что был в квартире. Я слышал шум кондиционера. Я... я должен был работать.

Артем посмотрел на него, затем на второго.

— Вы тоже наги? — спросил он, и это был самый нелепый, самый жалкий вопрос, который он когда-либо задавал.

— Какая разница, наги мы или нет, — хрипло отозвался мужчина, который, как позже станет известно, был Семеном. — Важно то, что воды нет. И тени нет.

Игорь, стоявший чуть поодаль, вдруг закрыл лицо руками и начал тихо, надрывно всхлипывать. Его плач был единственным звуком, который нарушал эту невозможную, мертвую тишину.

Артем почувствовал, как внутри него что-то окончательно ломается. Его мир, построенный на логике накопления и контроля, рассыпался в прах. Он попытался нащупать в себе привычную уверенность, привычную способность вести за

собой, манипулировать, доминировать, но нашел лишь пустоту. В этом новом мире его связи, его активы, его влияние — всё это превратилось в ничто.

— Нам нужно идти, — сказал Семен, глядя куда-то сквозь них. — Если останемся здесь, солнце нас выпьет до заката.

— И куда нам идти? — выкрикнул Артем, чувствуя, как ярость сменяется ледяным отчаянием. — Куда?! Здесь ничего нет!

Семен посмотрел на него с какой-то странной, пугающей мудростью.

— В пустоте всегда есть направление. Главное — не стоять на месте.

Они двинулись вперед. Три человека, лишенные всего, кроме своей наготы и своего ужаса, начали свой путь по бескрайнему, безмолвному миру. Они шли через выжженную равнину, не зная, что за следующим холмом их ждет не спасение, а лишь новая степень осознания того, насколько глубока пропасть между тем, кем они были, и тем, кем им суждено стать.

Артем шел последним. Он постоянно оглядывался назад, надеясь увидеть очертания своего дома, надеясь, что это всего лишь временное затмение, что через минуту он проснется в своей мягкой постели и услышит привычный гул города.

Но за его спиной была только степь. И эта степь была настолько пуста, что казалось, она готова поглотить и его самого, если он хоть на секунду перестанет делать шаги.

Вдруг, далеко впереди, в мареве горизонта, Артему показалось, что он увидел нечто странное. Что-то, что не вписывалось в этот ландшафт. Тонкая, едва различимая вертикальная линия, которая на мгновение возникла и тут же растворилась в знойном воздухе.

Он моргнул. Линия исчезла.

«Это просто галлюцинация», — подумал он. Но в глубине души, в той части сознания, которая еще помнила вкус власти и вкус триумфа, проснулось странное, болезненное предчувствие.

Он не знал, что это был лишь первый проблеск того, что мир не исчез бесследно. Он просто стерся, оставив после себя лишь эхо, которое скоро должно было обрести форму.

Глава 5

Первая встреча

Солнце не просто светило — оно давило. Тяжелый, раскаленный купол висел над головой, превращая воздух в вязкое, обжигающее желе. Артем шел, спотыкаясь о сухие коряги и камни, которые раньше, в другой жизни, были частью обустроенного ландшафта или дорожного полотна. Теперь это была просто свалка костей земли.

Его ступни, не привыкшие к грубости почвы, горели. Кожа на подошвах давно превратилась в сплошную мозолистую корку, но это не спасало от жара. Он был наг, и эта нагота казалась ему самым глубоким унижением. Не физическим — он привык к спортивным телам и пляжам — а метафизи-

ческим. Он чувствовал себя выставленным напоказ, лишенным всех слоев защиты: одежды, статуса, даже привычного слоя цивилизации, который отделял человека от зверя.

Артем остановился, тяжело дыша. Горло саднило, словно он наглотался битого стекла. Он посмотрел на горизонт, пытаясь найти ту самую линию, которая мелькнула перед ним. Но там была лишь бесконечная, дрожащая от зноя желтизна. Никаких силуэтов. Никаких крыш, никаких столбов ЛЭП, никаких верхушек деревьев. Только пустота.

Он сделал еще несколько шагов вперед, двигаясь по направлению к тому, что когда-то было руслом реки. Теперь это была глубокая, изрезанная трещинами рана в теле земли. Дно реки представляло собой лабиринт из высохшего ила, обломков камней и странных, непонятных предметов, которые когда-то были частью экосистемы, а теперь превратились в мусор.

Где-то впереди, у края одной из глубоких расщелин, он увидел движение.

Артем замер. Инстинкт, отточенный годами конкурентной борьбы и постоянного ожидания подвоха, заставил его пригнуться. Он не знал, кто это: человек или какое-то существо, приспособившееся к этому новому, голому миру. Сердце забилось в ребра, как пойманная птица.

Фигура была невысокой, сутулой. Человек сидел на корточках у самого края сухого ила, копошась в тени какого-то валуна. Он тоже был без одежды, его кожа казалась серой,

почти землистой.

— Эй! — крикнул Артем. Голос подвел его: вместо властного приказа из горла вырвался надрывный, сиплый хрип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.